

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.
III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 2

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1915
8 ЯНВАРЯ.

Рис. Ре-ми.

НОВЫЙ САМСОНЪ.

Вильгельмъ Гогенцоллернъ: — Чортъ возьми! Привязать-то меня привязали къ этимъ колоннамъ, но выходить такъ, что не я ихъ потрясаю, а меня самого трясеть!..

ВОЛКИ И ВОРОНЫ БЛАГОДАРЯТ СВОЕГО ПОСТАВЩИКА ЗА ОБИЛЬНУЮ ПИЩУ.

РАНЕНАЯ ЕЛКА.

Дѣти прыгали вокругъ ели,
Какъ всегда, въ былые годы,
И наряды ихъ пестрѣли,
И звенѣли хороводы!

Только вдругъ — вотъ случай рѣдкій!
Дѣти глазкамъ вѣрять еле! —
Всѣ увидѣли, что вѣтки
Чуть надломлены у ели...

Переставъ кружиться, дѣти
Подошли поближе къ елкѣ:
«Неужели, вѣтки эти
Надломали злые волки?..»

И стояли такъ дѣтишки,
Изумленные, у ели;
Съ основанія до вышки
Ель родную осмотрѣли.

И, подъ тяжестью игрушекъ, —
Вся въ огняхъ обильныхъ зала,
Въ золотомъ кольцѣ хлопושекъ, —
Елка дѣтямъ рассказала:

«Я стояла на опушкѣ,
Вся окутанная въ иней...
Грохотали смутно пушки
Въ сторонѣ, за далью синей.

Вдругъ — надъ лѣсомъ — брызги стали
Засвистали, зашипѣли;

Проноситься съ шумомъ стали
Надо мной дымки шрапнели...

Голубое небо хмура,
Дымъ кромѣшный скрываетъ тропинки...
Я качалась, точно въ бурю
Придорожныя былинки!..

А когда очнулась, дѣтки, —
Стройный лѣсъ былъ спутанъ, страненъ!..
Я узрѣла эти... вѣтки!..
Былъ мой стволъ... навывлетъ раненъ!..

Снова небо — голубое,
Снова солнце въ небѣ — ало!..
Черезъ мѣсяць послѣ боя
Къ вамъ я, дѣточки, попала...»

Дѣти выслушали елку,
Прослезились... поблѣднѣли...
И сказали втихомолку:
«Надо... снять игрушки съ елки:

Тяжело подъ ними, бѣдной!
Эта тяжесть — для нея ли?..»
И, подъ сердца стукъ побѣдный,
Съ елки вмигъ игрушки сняли...

Ель осталась только съ ватой.
(Можетъ быть, залѣчить раны?..)
Тихо... Въ сумракъ лиловатый
Погрузился залъ пространный...

Не горятъ ужъ свѣчи въ залѣ;
Дымъ отъ нихъ струится ѣдкій...
И — на цыпочкахъ — подалѣ
Отъ «больной» отходятъ дѣтки...

И, въ дверную глядя щелку,
Наблюдаютъ всѣ за елью:
«Не тревожьте нашу елку:
Елка ранена шрапнелью!..»

Михаилъ Пустынинъ.

„УКРОТИТЕЛЬ“.

Думаль, что будетъ такъ.

... А вышло — этакъ...

„ВЪ ПЕТРОГРАДЪ ПРИБЫЛЪ“

Часто въ вечернихъ газетахъ можно встрѣтить:

— «Прибывшій изъ Берлина нашъ соотечественникъ, адвокатъ Иксъ рассказываетъ...»

— «На-дняхъ прибылъ изъ Вѣны петроградецъ, врачъ Игрекъ. По его словамъ...»

— «Изъ Константинополя прибылъ купецъ Зетъ. Его рассказъ...»

Послѣ такого начала слѣдуетъ рассказъ о томъ, что дѣлается въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ.

Вчера въ одной вечерней газетѣ я прочиталъ рассказъ «прибывшаго изъ Лодзи». Я подумалъ:

«Вотъ молодчина! Онъ, этотъ безстрашный лодзинецъ, пробрался черезъ нѣмецкія войска. Можетъ быть, по пути даже разбилъ одинъ или два нѣмецкихъ корпуса!.. Надо найти этого героя».

Съ редакторомъ вечерней газеты я былъ знакомъ.

Не долго думая, я поѣхалъ въ редакцію и попросилъ доложить о себѣ редактору.

— Заглянули-таки, наконецъ! — сказалъ ласково редакторъ, пожимая мнѣ руку. — Чѣмъ я обязанъ?.. Садитесь. Я приступилъ къ дѣлу.

— Вчера, — началъ я, — у васъ въ газетѣ былъ помѣщенъ рассказъ лодзинца...

— Да, да! Какіе ужасы онъ тутъ рассказываетъ. Прямо волосы дыбомъ встаютъ. Мы, слушая его, плакали...

— Я читалъ. Вотъ въ чемъ моя просьба: скажите мнѣ его адресъ.

— Адресъ?..

Редакторъ замаялся.

— Видите ли, — сказалъ онъ, покраснѣвъ, — я лично его не видѣлъ... То-есть видѣлъ, но адреса его не знаю.

— А фамилію его знаете?

— И фамилію не знаю. Какъ-то забылъ спросить...

— Но вы же съ нимъ бесѣдовали?

— Я? Я его и въ глаза не видалъ. Принесъ бесѣду нашъ интервьюеръ Федоровъ. Хотите, я его сейчасъ спрошу?

— Пожалуйста!

Редакторъ позвонилъ и приказалъ позвать Федорова.

Вошелъ молодой человекъ со стыдливо зардѣвшимся носомъ. Редакторъ спросилъ его:

— Вы дали интервью съ «только что прибывшимъ изъ Лодзи»?

— Я, я. Можно сказать, случайно открылъ его. Прямо какое-то особое счастье...

— Дѣло не въ этомъ, — прервалъ его редакторъ, — а вотъ что мнѣ нужно. Нашъ коллега...

Редакторъ указалъ на меня.

— Нашъ коллега хочетъ узнать адресъ этого лодзинца. Будьте добры, скажите...

Румянецъ постепенно оставилъ носъ Федорова и покрылъ его щеки.

— Дѣло, видите ли, въ томъ...

Федоровъ погладилъ волосы.

— Дѣло въ томъ, что я... что я этого лодзинца, такъ сказать, не видалъ...

— Вы вѣдь сказали, что были у него.

— Не то, чтобы былъ... Почти былъ.

— Не понимаю. «Былъ», «почти былъ»... Что это значитъ?

— Я, дѣйствительно, не былъ... Былъ и бесѣдовалъ съ «только что прибывшимъ изъ Лодзи» Сергѣевъ. А такъ какъ Сергѣеву я вѣрю, какъ самому себѣ, то и, выходитъ такъ, какъ будто я самъ и былъ у лодзинца.

— Такъ Сергѣевъ знаетъ, гдѣ лодзинецъ обрѣтается?

— Конечно! Сергѣевъ не такой человекъ, чтобы изъ пальца высасывать. Сергѣевъ серьезный газетный работникъ.

— А гдѣ можно видѣть Сергѣева?

— Онъ тутъ, за угломъ, въ кофейнѣ. Тамъ, въ кофейнѣ, его штабъ-квартира. Хотите, я его сейчасъ вызову.

Минутъ черезъ двадцать явился Сергѣевъ.

— Вы бесѣдовали съ «только что прибывшимъ изъ Лодзи»? Сергѣевъ страшно удивился.

— Съ кѣмъ, изволили сказать?

— Съ «только что прибывшимъ изъ Лодзи». Вчера было напечатано.

— Ахъ, съ этимъ... Нѣтъ, я его не видалъ... Мнѣ рассказалъ про него Алексѣевъ. Кажется, этотъ лодзинецъ снялъ у Алексѣева комнату.

— А адресъ Алексѣева знаете?

— Какъ же не знать! Отлично знаю.

— Можете со мной поѣхать къ нему?

— Съ удовольствіемъ.

Мы поѣхали. Жиль Алексѣевъ на Петроградской Стронѣ. Ѣхать пришлось долго-долго.

— Извозчикъ, вотъ здѣсь, у воротъ! — наконецъ, послышался голосъ Сергѣева.

Мы стали подниматься по безконечной лѣстницѣ.

Наконецъ, на одной изъ дверей мы увидѣли карточку, на которой было напечатано: «Александръ Ивановичъ Алексѣевъ. Литераторъ. Принимаетъ отъ трехъ до пяти...»

Мы позвонили.

— Дома Александръ Ивановичъ? — спросили мы открывшую намъ дверь прислугу.

— Дома.

— Везетъ намъ! — замѣтилъ Сергѣевъ. — Сашка почти никогда не бываетъ дома.

Вскорѣ мы увидѣли самого Алексѣева. Сергѣевъ позначкомилъ насъ и сказалъ:

— Нашъ коллега хочетъ познакомиться съ «только что прибывшимъ изъ Лодзи». Вѣдь ты съ нимъ бесѣдовалъ?

— Я, я. Какіе ужасы рассказываетъ...

— Можно съ нимъ познакомиться?

— Отчего же нельзя! Только вечеромъ. Онъ днемъ въ лавкѣ.

— Въ какой лавкѣ?

— Въ своей. Онъ здѣсь табачную лавку имѣетъ. По вечерамъ только и приходитъ домой.

— Но вѣдь онъ «только что прибылъ изъ Лодзи»?

Алексѣевъ улыбнулся.

— Это, — сказалъ онъ, — слегка преувеличено. Онъ изъ Лодзи второй годъ... Только я на-дняхъ у него поселился, комнату снялъ... Грѣшно было не использовать...

Читатель! Если въ вечернихъ газетахъ вы прочтете рассказъ «только что прибывшаго изъ Вѣны», «только что прибывшаго изъ Берлина», «только что прибывшаго изъ Лодзи» и т. д. можете смѣло отправиться въ редакцію, вызвать редактора и...

Впрочемъ, редакторъ только вытретъ глаза и скажетъ:

— Это Божья роса...

О. Л. Д'Орѣ.

НѢМЕЦКОЕ ГАДАНИЕ.

Всякій любитъ шупать Рокъ
И проникнуть въ дали.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Барвары гадали:

Истощивъ обычный «биръ»

И загадивъ стойла,

Налегали на эфиръ

И инья пойла;

Гнетъ этическихъ оковъ

Не виситъ на салѣ, —

Вмѣсто русскихъ «башмаковъ»

«Чемоданъ» бросали;

Выпускали «пѣтуха»

Краснаго въ Европу, —

Въ нѣдра чернаго грѣха

Чортъ укажетъ тропу;

Прославляя свой народъ,

Въ легендарномъ Килѣ —

Вмѣсто «воска» — свой же флотъ

Весело «топили»;

Не «кормили до пьяна»

Курицу пшеницей,

Ибо «счетнаго зерна»

Имъ самимъ не снится;

Въ довершеніе всего,

Примѣняясь къ роли,

Не «пололи» ничего,

А «пороть» — пороли!

О, воинственная рать,

Швабская пѣхота!

Отчего и не гадать,

Если есть охота.

Только тамъ, гдѣ Висла, Брестъ,

Равка, Бзура, Иловъ,

Тамъ давно уже вышель... Крестъ

Да подъ нимъ — могила!

Влад. Воиновъ.

Рис. В. Лебедева.

И Д Е И.

... Онъ закинулъ за голову руки со скрещенными пальцами и, полуприкрывъ глаза, сказалъ:

— ... Представь себѣ: ты несешь мѣхъ съ виномъ. Вина тебѣ отпущено *разъ и навсегда*. Ты бережно несешь и вдругъ замѣчаешь, что въ одномъ мѣстѣ мѣхъ далъ течь. Развѣ ты не примешь мѣръ? Можетъ быть, ты прильнешь къ отверстию рта и, жалѣя, чтобы вино пролилось наземь, — будешь жадно пить до опьянѣнія, до потери сознания... Можетъ быть, ты перетянешь отверстие бичевочкой, заткнешь его пальцемъ...

— Нельзя ли покороче! — попросилъ я.

— Я хочу сказать: жизнь проходить!.. Про-хо-дитъ!.. Капля за каплей, струя за струей, потокъ за потокомъ уходитъ она!.. Подумай только: сколько такихъ капель и мной, и тобой, — всѣми пролито зря!.. Кто считается съ секундами, минутами, часами, даже днями жизни!.. Даже безумно дорожащие жизнью развѣ не растрачиваютъ они ея такъ, какъ будто имъ отпущено ея безъ мѣры?!.. Съ каждымъ мгновениемъ мы приближаемся къ могилѣ. Подумай!.. Ты вотъ посидѣлъ здѣсь полчаса и шагнулъ впередъ, къ ней...

— Гдѣ бы ни сидѣлъ — шагнулъ бы... Впрочемъ, ты правъ: сидя съ тобой, я зря шагнулъ!

И я, обрадовавшись предлогу, поднялся, чтобы уйти. Но онъ поймалъ меня за локти и усадилъ обратно въ кресло.

— Пусти!.. «Жизнь проходить!».. Я пошагаю это время съ большимъ удовольствіемъ съ кѣмъ-нибудь другимъ... Позволь мнѣ уйти!

Но у него было настроеніе пофилософствовать, и я палъ жертвой его настроенія. Я покорился своей печальной участи изъ любви къ нему, по мягкости характера и... (моя правдивость не доведетъ меня до добра!) потому, что мнѣ нужно было убить еще полчаса, оставшагося до назначеннаго свиданія.

— Пойми, милый, пойми! — вцѣпилъ онъ въ лацканы моего пиджака, — что каждый взлетъ маятника отрываетъ частицу нашей жизни!

— Ну, отрываетъ!.. Останови маятникъ... испорть часы... Продли свою жизнь безсонными ночами... Живи лишнихъ десять, двадцать, пятьдесятъ... сто лѣтъ!..

Онъ разсердился.

— Съ тобой совершенно невозможно говорить серьезно: ты все превращаешь въ шутку!

Я высвободилъ изъ плѣна лацканы и въ цѣляхъ самообороны вцѣпилъ въ его колѣни:

— Дорогой мой, я все прекрасно понимаю! Но согласиться съ тобой не могу. Если бы человечество такъ тряслось надъ жизнью, какъ того требуешь ты, — оно возненавидѣло бы жизнь... Представь себѣ, дорогой мой, что человечество приобрѣло новое знаніе: каждый человекъ отнынѣ знаетъ бы съ точностью до одной секунды часть своей смерти. Я увѣренъ, что одни стали бы прожигать жизнь, другіе сошли бы съ ума, третьи кончили бы ее значительно раньше срока самоубійствомъ, четвертые не сводили бы глазъ съ часового циферблата, и смерть застала бы ихъ за этимъ умнымъ и полезнымъ занятіемъ...

Онъ вскочилъ, пробѣжался по комнатѣ и, ероша волосы, взволнованно сказалъ:

— Нужно экономить жизнь!.. Нужно жить, не растрачивая ея, а *расходуя!*.. Жить такъ, чтобы, умирая, не жалѣть о томъ, что жизнь не была использована!.. Каждый мигъ долженъ что-нибудь дать: плюсъ ли, минусъ ли, но дать!.. Каждый мигъ долженъ оставить по себѣ слѣдъ... Понялъ?.. Я, кажется, когда-то сказалъ: «если бы собрать воедино время, проведенное каждымъ въ плеваніи въ потолокъ, то могла бы быть создана изъ него новая жизнь, можетъ быть, болѣе разумная, болѣе толковая, болѣе плодотворная... Если же я этого не сказалъ, то говорю теперь!..

— Послушай, — прервалъ я его, — а теперь вотъ, времени, потраченнаго тобой на эту тираду, тебѣ не жаль?..

— Это же съ пользой! Вѣдь я пропагандирую идею экономіи жизни. Я вѣдь кричу: «Жизнь проходить!.. Про-хо-дитъ!» Неужели я тебя не заставилъ задуматься надъ этимъ!»!

Я, право, не такой ужъ безсердечный, какимъ кажусь, и я поспѣшилъ воскликнуть:

— Ну, конечно!

— Такъ какъ же ты можешь думать, что мнѣ жаль этого времени?!

Я скромно потупилъ взоръ и сказалъ:

— Стою ли я?..

— Ну что ты, что ты!.. Ты благодарный матеріалъ для лѣпки... Твое сердце еще не покрылось корой безразличія... Въ твоихъ глазахъ есть еще блескъ... Тебя еще волнуютъ міровые вопросы...

Я нагнулъ голову.

— ... Тебѣ, — продолжалъ онъ, — не только «не чужды благіе порывы», но, вѣроятно, что-нибудь и свершить дано... Міровая скорбь и тебя порой печалитъ...

Я нагнулъ голову еще ниже и пролетѣлъ:

— Ты слишкомъ хорошаго обо мнѣ мнѣнія... я не заслуживаю его...

— Ты стоишь его!.. Я не ошибаюсь въ людяхъ... Я охотно посвящу тебѣ сколько угодно времени и охотно разовью предъ тобой нѣкоторыя идеи, пришедшія мнѣ въ голову въ безсонныя ночи...

Я украдкой хлопнулъ крышкой часовъ: мнѣ пришла пора уходить и, желая переменить разговоръ, я сказалъ:

— Ты бы принималъ фитинъ.

— Что? Фитинъ? Какой фитинъ?.. Для чего мнѣ фитинъ?!

— Вѣрное средство противъ безсонницы...

И, не давая ему времени возражать мнѣ, я быстро поднялся, быстрымъ движеніемъ сунулъ ему руку и скороговоркой сказалъ:

— Вѣрнѣйшее, испытаннѣйшее средство противъ безсонницы!.. Фитинъ — фосфоръ, фосфоръ питаетъ нервы, упитанные, хорошо откормленные нервы даютъ организму спокойствіе, спокойный организмъ даетъ хорошій сонъ, хорошій сонъ — вѣрнѣйшее, испытаннѣйшее средство противъ безсонницы!..

Онъ сдѣлалъ попытку удержать меня. Но я вырвалъ руку (не изъ своего плеча, конечно, а изъ его ладони), выбѣжалъ въ прихожую и, стоя уже въ пальто, калошахъ и шапкѣ, крикнулъ ему въ раскрытую дверь:

— ... И никакихъ идей!

Его призвали, какъ прапорщика запаса. Передъ первой атакой онъ обратился къ людямъ своей полуроты съ небольшою рѣчью:

— Экономьте свою жизнь! Растрачивайте жизнь врага! Пусть каждый взлетъ вашихъ сабель отрываетъ частицу вражеской жизни!..

Идеи, рожденныя въ безсонныя ночи, пустили въ немъ корни и дали цвѣты...

Исидоръ Гуревичъ.

У ВСЯКАГО СВОЙ ВКУСЪ.

„Въ 31-мъ номерѣ нсво-временскаго „Лукоморья“ псмѣшны стихи Феодора Сологуба“.

У лукоморья старый дубъ
Разросся пышно и картинно,
Подъ дубомъ старецъ Сологубъ
Почилъ отъ дѣлъ своихъ невинно...
Но... что милѣе для души
Почтеннѣйшаго Сологуба:
«Златая цѣпь» иль жолудь съ дуба?..

Эдипъ премудрый, разрѣши!

В. Князевъ.

НЕДОСТАТОКЪ ЗОЛОТА ВЪ ГЕРМАНИИ.

Дьвушка съ Фридрихштрассе: — Теперь я понимаю, почему говорят: „молчаніе — золото“. Стоить мнѣ только открыть ротъ, чтобы заговорить, какъ правительственный агентъ сейчас же конфискуетъ въ пользу государства мой золотой зубъ.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ОКОНЧИТСЯ ВОЙНА.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Когда Вильгельмъ Гогенцоллернъ, поднявъ торжественно руку, воскликнулъ передъ фронтомъ:

— Для того, чтобы добиться побѣды, я буду воевать до послѣдняго солдата! —

онъ про себя подумалъ: «А ловко я это имъ ввернулъ... Совсѣмъ какъ какой-нибудь знаменитый полководецъ».

Впослѣдствіи онъ часто, при всякихъ случаяхъ, повторялъ эту фразу:

— Я буду продолжать войну до послѣдняго солдата.

Ему докладывали:

— Ваше величество! Русскіе взяли нашихъ за послѣднюю недѣлю пятьдесятъ тысячъ человѣкъ.

Сверкнувъ глазами, императоръ отвѣчалъ:

— Это все равно! Я буду воевать до послѣдняго солдата.

Докладывали:

— По послѣднему списку убитыхъ мы потеряли полтора тысяча человѣкъ.

Онъ теребилъ усы.

— Такъ-съ. Но что-нибудь-то осталось еще у насъ?

— Да кое-что есть.

— Ну, и прекрасно. Я буду воевать до послѣдняго солдата.

* * *

— Ну, что у насъ новенькаго?

— Да что, ваше величество... Плохо. Отъ 7-го корпуса осталось тысяча восемь...

— Гмъ, да. А отъ другихъ корпусовъ?

— Хватились! Еще на прошлой недѣлѣ были окружены и сдались.

— Значитъ, нашихъ войскъ всего... восемь тысячъ?

— 8123 человѣка.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ перевезите ихъ на восточный фронтъ.

— Да они и находятся на восточномъ.

— Въ такомъ случаѣ перевезите на западный.

— А что останется на восточномъ?

— А мы ихъ, можетъ быть... успѣемъ перебросить.

— Да ужъ русскіе ихъ достаточно перебрасывали.

— Не острите. Глупо. Это, впрочемъ, хорошо отчасти, что нашихъ осталось только восемь тысячъ. Непритель ихъ не замѣтитъ, пройдетъ мимо. А они и тово.

— Чего — тово?

— А они и ударятъ въ тылъ.

— Кому?

— А неприятелю.

— Да вѣдь у неприятеля два тыла. У русскихъ свой, у французовъ свой. У англичанъ даже есть свой небольшой тылишко.

— Задача! Тутъ, дѣйствительно, не разорваться.

— А, по-моему, тутъ-то и разорваться.

— То-есть?

— Черезъ агентство Вольфа.

— Нѣтъ, я говорю: не разорваться, а разорваться.

— Одинъ чортъ, — устало сказалъ начальникъ штаба. —

Смѣшно, ей Богу! Что можно сдѣлать съ восемью тысячами солдатъ?!

— А куда же вы остальныхъ дѣли? — съязвилъ Вильгельмъ.

— Это вы вашего сынка спросите, кронпринца. Это онъ такъ мило и остроумно командовалъ.

— А вы, штабъ, должны были слѣдить за молодымъ человекомъ! На то я вамъ и деньги плачу.

— Это которая? Третій мѣсяць уже ни пфенига не видѣли.

— Вотъ одержу побѣду — тогда отдамъ.

— Слышали.

— Потомъ вотъ Америка, можетъ быть... за меня станетъ.

— Старо.

— Священную войну мусульмане поднимутъ. Тутъ одинъ человѣчекъ мнѣ обѣщаль.

— Въ зубахъ навязло. Нѣтъ ли чего поновѣе?

— А вамъ бы только жалованье получать, да? Посмотрите, кронпринцъ тоже ничего не получаетъ, однако молчитъ.

— Ему хорошо, — что ни увидитъ, сейчасъ же стянетъ. Такъ можно и безъ жалованья прожить.

Вильгельмъ прошелся по комнатѣ и, помолчавъ, выдалъ изъ себя вялую фразу:

— Вы не имѣете права такъ говорить о моемъ сынѣ!..

— А какъ же о немъ прикажете говорить?

— Онъ хорошій мальчикъ. У него задатки хорошіе.

— Задатки хорошіе, а капиталъ плохой.

— У кого капиталъ? — оживленно спросилъ вошедшій въ комнату кронпринцъ. — Который тутъ капиталъ?

— Ни у кого, — отвѣчалъ адъютантъ, придвигая къ себѣ ближе серебряный подстаканникъ. — Мы тутъ планъ развитія кампаніи вырабатываемъ.

— Выработали?

— Выработаешь тутъ, когда всего войска на одну атаку хватить.

— Буду воевать до послѣдняго солдата! — топнулъ ногой Вильгельмъ.

— Вотъ гдѣ у меня эта фраза сидитъ, — сказалъ начальникъ штаба. — Умнѣе ничего у насъ нѣтъ.

— Дѣйствительно, ты, папаша, тово... — поморщился и кронпринцъ.

Въ комнату вошелъ ординарецъ.

— Около семи тысячъ нашихъ солдатъ легли въ окопахъ и взяты въ плѣнъ.

— Что вы мнѣ тычете ваше «около»?! — разсердился начальникъ штаба. — Когда каждый солдатъ у меня на счету, онъ мнѣ говоритъ: «около». Выясните точно, сколько осталось.

Ординарецъ вышелъ, потомъ вернулся. Отрапортовалъ:

— Въ остаткѣ числится 231½ солдатъ.

— Такъ-съ. А половина эта откуда взялась?

— Женщина одна въ солдатскомъ платьѣ. Увязалась за полкомъ, воюетъ.

— Ага! — оживился Вильгельмъ. — Дать ей желѣзный крестъ.

— Такъ ей и надо, — проворчалъ въ усы ожесточившійся начальникъ штаба. — Не суйся, куда не надо. Теперь спрашивается: что же мы съ этими двумя сотнями сдѣлаемъ?

— Вы забыли еще 31 человѣка, — подсказалъ Вильгельмъ.

— И съ половиной, — поддержалъ почтительно ординарецъ.

— На носъ себѣ нацѣпите эту половину! Что я съ этими двумя сотнями буду дѣлать?

— Можетъ быть, перебросить на западный фронтъ? — несмѣло предложилъ кронпринцъ.

«Я бь тебя самого перебросилъ въ Моабить», — подумалъ начальникъ штаба.

— Господа! — вскричалъ Вильгельмъ, стукнувъ кулакомъ по столу. — Мнѣ пришелъ въ голову гениальный планъ! Какъ вамъ извѣстно, съ востока идетъ на насъ русская армія, съ запада — англо-французская.

— Это намъ очень извѣстно.

— Ну, вотъ... Еще три-четыре дня — и эти арміи сойдутся лицомъ къ лицу.

— Ясно, какъ палець.

— Что же дѣлаемъ мы? Мы пустимъ въ этотъ узкій коридоръ, образуемый двумя арміями, наши двѣ сотни. Они должны побѣгать немного по этому коридору, пострѣлять, разозлить ту и другую сторону, а самимъ изъ этого коридора потихоньку удрасть. Разъяренные стрѣльбой врага, русскіе бросятся впередъ, французы бросятся впередъ, столкнутся и, не разобравъ въ чемъ дѣло, начнутъ драться и побѣдятъ другъ друга. А тутъ мы подойдемъ и возьмемъ оставшихся въ плѣнъ. Какова идея?

— Чудесно. Только это нужно дѣлать въ темнотѣ, чтобы они не замѣтили.

Такъ и сдѣлали.

* * *

Съ планомъ, предложеннымъ Вильгельмомъ, вышла маленькая заминка: хотя 231½ нѣмцевъ и бѣгали по коридору, образуемому сошедшимися союзными арміями, хотя они и стрѣляли, но въ нихъ тоже стали стрѣлять, и, такъ какъ въ нихъ стрѣляли съ двухъ сторонъ, то отъ германской арміи остался только одинъ солдатъ Гансъ Швунке, успѣвшій выбѣжать изъ предательскаго коридора.

Узнавъ объ исходѣ битвы, Вильгельмъ покрутилъ усъ и спросилъ:

— Значитъ, мы разбиты? Ну, что жъ дѣлать... Имъ все-таки не удастся меня сломить! Повторяю, что я буду воевать до послѣдняго солдата. Сколько у насъ солдатъ осталось?

— Одинъ. Гансъ Швунке.

— Гмъ! Это, конечно, немного, но это все-таки кое-что. Я повторяю, что буду воевать до послѣдняго солдата.

— Да чего жъ тамъ до послѣдняго! Вотъ онъ уже и есть послѣдній — Гансъ Швунке!

— Ну, вотъ я и буду до него воевать. Позовите его сюда. Въ комнату, стуча сапогами, вошла германская армія. Вся, какъ одинъ человекъ, взяла подъ козырекъ и крикнула: «Hoch!»

— Здорово, ребята! — поздоровался Вильгельмъ.

— А-а, здравствуйте, — развязно сказала армія, чувствуя себя хозяиномъ положенія. — Ну, какъ поживаете? Давненько не видались.

— Какъ тебя зовутъ?

Армія бодро отвѣчала:

— Гансъ Швунке... Васъ я не спрашиваю объ имени: по усамъ видно. Это что у васъ, штабъ? Зачѣмъ такая роскошь? Распустите его: я и самъ управлюсь.

— Возлюбленная армія! — началъ Вильгельмъ, становясь въ привычную позу. — Я далъ себѣ слово воевать до послѣдняго солдата...

— Это до меня, значитъ, — догадался Швунке.

— До тебя. Такъ вотъ, я надѣюсь, что армія поддержитъ славныя германскія традиціи...

— Это можно, — пообѣщала армія.

— Я вижу, армія меня поняла! И такъ, армія! Налѣво кругомъ — арршъ! На врага!

Швунке повернулся налѣво кругомъ, бодро вышелъ изъ комнаты, побѣжалъ по полю къ французскому лагерю и тамъ сдался въ плѣнъ.

— Видите, — съ удовлетвореніемъ говорилъ въ это время Вильгельмъ начальнику штаба, — говорилъ я, что буду воевать до послѣдняго солдата, — такъ и вышло.

— Напрасно вы послѣдняго послали: спрятать бы его подалше на всякій случай.

— Эхъ, вы! А еще начальникъ штаба! А стратегіи не знаете. Какой же полководецъ будетъ мариновать свою армію, эту живую силу страны?

* * *

Въ комнату вошли русскіе.

— Господа! — закричалъ Вильгельмъ. — Вы не смѣете меня брать! Сказалъ же я вѣдь, что буду воевать до послѣдняго солдата!

— Ау, вашъ послѣдній... уже сдался. Французамъ.

— Уже? Ну, тогда, конечно... другое дѣло... Ничего не подѣлаешь — берите! Но все-таки вы должны сознаться, что я, воюя до послѣдняго солдата, блестяще исполнилъ свой долгъ передъ страной. Какъ вы находите?

Аркадій Аверченко.

ЕЛКА.

Эка, геройство — въ декабрьскую стужу
У мерзлаго бѣса

Зеленую елку украсть!

И съ гикомъ, и съ крикомъ

Помчавшись галопомъ отъ соннаго лѣса,

Всѣмъ скопомъ на бѣдную хвою напасть,

Почистить кісты,

Купить позолоты, бумаги, картона,

А послѣ — шаблонно, лѣнливо и сонно

Надѣлать тюльпановъ, флажковъ, барабановъ,

Хлопушекъ, вертушекъ,

Барановъ, пастушекъ

И съ прошлогоднимъ запасомъ «сульфидъ» и «петрушекъ»

Того же искусства —

На острия иглы надѣть.

Созвать домочадцевъ, настроить всѣ чувства —

И порознь, и купно глядѣть и балдѣть...

Эка, геройство — у мерзлаго бѣса

Зеленую елку отнять!

Изъ окопа зло и колко впился въ вражескій дымокъ

Озабоченный Николка. Но бѣднягѣ невдомѣкъ:

Почему его замокъ лихо щелкаетъ, а толка нѣтъ и нѣтъ,
хоть вырви глазъ...

Эхъ, предъ нимъ вѣдь тоже елка! Только видитъ нашъ
Николка

Эту елку въ первый разъ.

У подножья — двѣ гранаты,

Вмѣсто ваты — бѣлый снѣгъ, вмѣсто бусъ — крупинки льда,

Вмѣсто пряника — въ просвѣтахъ шелушится лишь кора.

А на иглахъ, какъ рубины, рдѣютъ капли алой крови,

И снѣжатся жемчугами голубыя нити слезъ.

Звѣздъ сусальныхъ нѣтъ въ поминѣ, нѣтъ парчи изъ серебра,

Но горитъ въ небесной сини, надъ ея верхушкой скорбной,

Не бумажная, — живая, настоящая звѣзда.

Не боится елка стужи, не страшатъ ее метели,

И не скучно ей безъ сказокъ, безъ узорныхъ радугъ сна, —

Какъ невѣста на смотринахъ,

Улыбается — и снова неподвижна и грустна.

А кругомъ, до пятой хаты,

Разложилъ свои перины неуклюжій и косматый,

Нашъ рождественскій Морозъ!

Онъ пришелъ защитить елку отъ навѣта темныхъ силъ

И всѣ дали втихомолку

Засугробилъ, заснѣжилъ...

Изъ окопа зло и колко впился въ вражескій дымокъ

Озабоченный Николка и притихъ, какъ въ полѣ мышь.

Этой елки у Николки

Не отынешь, братъ, — шалишь!

Владимір Винкертъ.

АРМЯНСКАЯ МИНИАТЮРА.

Какъ страненъ милый твой абсурдъ,
Армянская миниатюра!
Бѣжить армянка, скачетъ курдъ,
И солнце свѣтитъ такъ понуро!
Его барашки-облака

Своими шкурками прикрыли.
Деревья — два-три завитка,
Гора и церковь въ томъ же стилѣ!
Все такъ пріятно и легко,
И такъ нелѣпо, и красиво!

И умъ отъ мысли далеко,
Что это все, конечно, лживо!
Вѣдь на войнѣ — какъ на войнѣ,
И курдъ не такъ, навѣрно, скачетъ,
И, ужъ навѣрно, въ той странѣ

Армянка бѣдная не плачетъ.
И ей ужъ некуда бѣжать,
И трупъ зарѣзанной дочурки
Ей не придется обнимать, —
Вѣдь и ее зарѣжутъ турки!
Потемкинъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Журналы „Весь Миръ“ и „Всемирная Панорама“, помѣщая одинъ и тотъ же снимокъ, изображающій толпу на улицѣ, подписываютъ:

„Манифестация въ Перемышлѣ по случаю объявленія войны Турціей Россіи“. („Весь Миръ“).

А „Панорама“ толкуетъ этотъ снимокъ иначе:

„Демонстративное шествіе толпы австрійцевъ по улицамъ Перемышля съ требованіемъ сдать русскимъ крѣпость и избавить население отъ голода“.

Подождемъ, что скажетъ по этому поводу компетентный „Синій Журналъ“.

Онъ назоветъ снимокъ, вѣроятно, такъ: „Громадная толпа народа привѣтствуетъ редактора „Синяго Журнала“ г. Корнфельда въ день его тезоименитства“.

Въ одной кавказской газетѣ помѣщена рецензія. Выдержками изъ нея надѣемся вызвать восхищеніе читателей:

„Дуэтъ „Крики чайки“ прекрасно пропѣли хористки Покровской церкви г-жи Зміева и Петрова. Хотя г. Петрова нѣсколько нарушала цѣлость музыки тѣмъ, что отъ волненія слишкомъ сдавливала горло“.

Не написано — кому она сдавливала горло. Вѣроятно, рецензенту.

„Г-жа Горбунова съ большими музыкальными способностями и знаніемъ. Въ концѣ 2 отдѣленія она исполн. „Пріютъ“ муз. Шуберта, хотя публика отъ нея ждала какъ отъ знающей музыки гораздо большаго (?) Во время пѣнія она и неволновалась, но звуки выходили какіе то замогильные.“

Музыкальные термины она исполняла превосходно“.

Рецензентъ не указываетъ, какіе именно музыкальные термины исполняла пѣвица. Неизвѣстно, хорошо-ли она спѣла контрапунктъ и взяла ли она верхнее модерато въ красивомъ da capo?

Кстати. Сейчасъ стоять холода, и не хватаетъ рукъ для шитья солдатской обуви.

Не будетъ ли принято это во вниманіе г. рецензентомъ?

*

Въ то время, какъ кровавый пожаръ охватилъ полъ-міра, и страшный призракъ войны заслонилъ собою все вопросы, — одни только люди сумѣли сохранить спокойствіе въ этой сумятицѣ и въ мирной повседневной работѣ продолжаютъ творить свое маленькое, но нужное дѣло. Мы говоримъ о скромныхъ труженикахъ, людяхъ науки, этнографовъ, со свойственной имъ пылкостью изучающихъ расы, племена, народы.

Такъ, одна изъ сибирскихъ газетъ сообщаетъ, что на-дняхъ въ Томскѣ будетъ демонстрирована „вакханалія, въ національныхъ костюмахъ, въ заключеніе танецъ вакханалокъ“.

Единственный вопросъ возбуждаетъ эта лаконическая замѣтка: какой національный костюмъ долженъ быть у вакханалокъ, если другое родственное имъ племя — вакханокъ всѣмъ костюмамъ рѣшительно предпочитало костюмъ нашихъ прародителей до изгнанія изъ рая?“.

ВСКОЛЬЗЬ.

(Критическая замѣтка.)

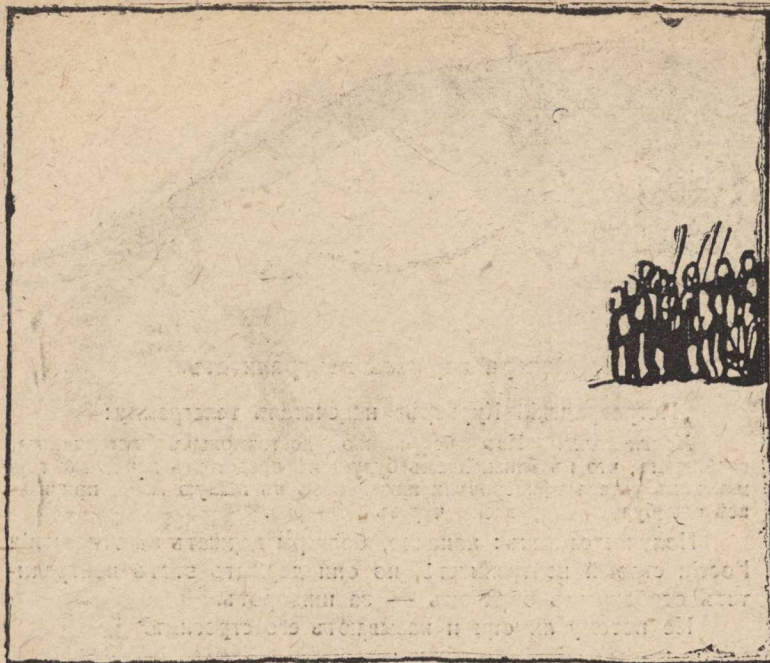
Раньше я не зналъ, кто кого выше: Владиміръ ли Ленскій изъ Пушкинскаго «Онѣгина»; или Владиміръ Ленскій изъ Архиповской «Новой Жизни»?

Теперь, когда я прочелъ сборникъ разсказовъ второго Ленскаго, «Любовь», — я знаю, кто кого выше:

Архиповскій выше!

Ибо перваго, Пушкинскаго, убилъ человекъ, Евгеній Онѣгинъ, а этого, Архиповскаго, — самъ Господь Богъ.

Вильгельмъ Теткинъ.

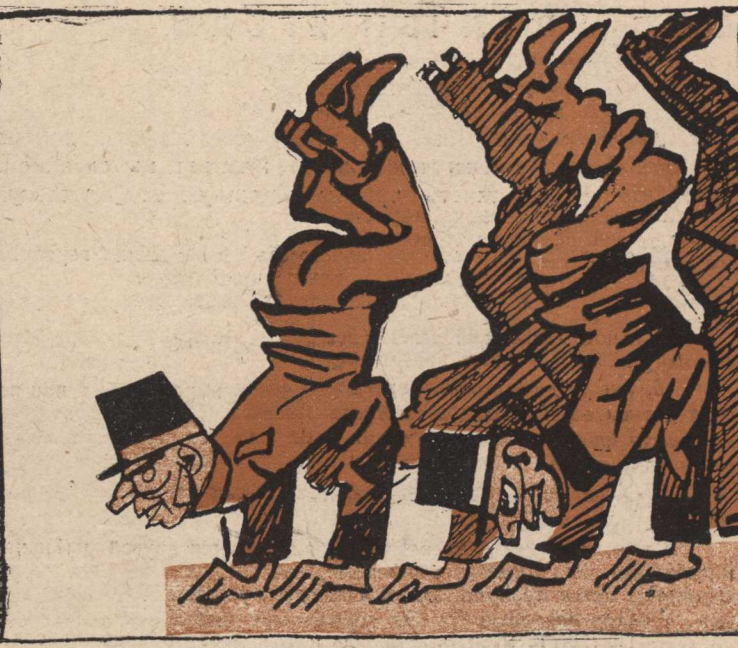
Вхаль казакъ, подбоченясь, подь Краковъ,
Видить: три роты идутъ австрійковъ.
Гаркнулъ онъ громко, тряхнулъ копьемъ,
Всѣхъ австрійковъ забралъ живьемъ.

Взять-то ихъ взяли, да какъ ихъ направить,
Чтобъ одному всѣ три роты доставить?!
Только подумалъ — и планъ ужъ готовъ:
Пуговицы срѣзалъ онъ всѣмъ со штановъ.

Сами идутъ австрійки, что стадо...
Ужъ не ползутъ — куда имъ не надо!
Гдѣ ужъ имъ, глупымъ, изъ плѣну бѣжать!..
Только и дѣла, что брюки держать!

Вдругъ имъ навстрѣчу съ дрекольями бабы...
Бабы, хоть бабы, да въ дракъ не слабы.
Видать: идутъ австрійки... „Пойдемъ!
Въ плѣнъ ихъ возьмемъ, къ генералу сведемъ!“

„Эй, руки вверхъ! Да сдавайтесь собаки!“
Подняли руки свои австрійки.
Подняли руки, а бабы — кричатъ:
„Охти! на нихъ штановъ не видать!“

Какъ имъ тутъ быть?! Приличія ради,
Бабы пошли полегонечку сзади,
А австрійки, чтобъ быть при штанахъ,
Въ плѣнъ потянулись гуськомъ, на рукахъ!.

ЗВЪРИ О ВОЙНЪ.

М е д в ѣ д ь .

Вчера охотники стрѣльбу по мнѣ открыли,
Да какъ! Не пулями, а сундуками били!
Я, знаете, дремалъ;
Вдругъ, въ полуночный часъ, «трахъ, трахъ!» —
Запѣло здорово въ ухахъ.
Отъ страха я упалъ.
Куда ни повернись все «бумъ!» да «бумъ!».
Побрелъ я наобумъ;
Межъ тѣмъ — то сбоку тарарахнеть,
То чуть не лѣвъ носомъ визжитъ, свиститъ и пахнетъ
Ужасной гарью. Наконецъ, прошло
Смятенъе лѣса; въ норму все вошло.
Иду я перелѣскомъ,
Смотрю: охотникъ спитъ, ружье ипраетъ блескомъ...
Затрясся я, — однако подошелъ,
Обнюхалъ... Мертвъ онъ былъ, — я мертвеца нашель!
Ну, — думаю, — попалъ въ себя случайно!
Однакожъ поразительная тайна
Явилась далѣе: здѣсь много было ихъ,
Все мертвыхъ и въ крови, — охотниковъ такихъ...

Б ѣ л к а .

А бѣлка, ворочая шишку,
Пропѣла кокетливо мнѣ:
«Я этого бѣднаго Мишку
Вполнѣ понимаю, вполнѣ!
Теперь шутники, для потѣхи,
Лѣсъ темный изслѣдовавъ весь,
Свинцовые стали орѣхи
Намъ, бѣлкамъ, разбрасывать здѣсь.
Но странно смотрѣть на иного
Бредущаго тутъ шутника, —
Когда онъ упалъ, и немного
Дрожитъ, замирая рука...
Онъ въ полости нѣжной и зыбкой,
Блѣднѣя, отходить ко сну
И смотреть съ застывшей улыбкой,
Какъ я пробѣгаю сосну.»

А. С. Гринъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Лопнуло терпѣніе.

„Фигаро“ воспроизводитъ слѣдующій діалогъ, доказывающій, что человѣка, привыкшаго купаться въ огромномъ морѣ лжи, иногда тянетъ принять маленькую освѣжительную ванну истины:

Мѣсто дѣйствія — вокзалъ одного изъ французскихъ городовъ, куда только что прибыла партія германскихъ плѣнныхъ. Французскій генералъ допрашиваетъ плѣнника, офицера генеральнаго штаба принца Кароля фонъ-Шенгаузенъ.

— Вы офицеръ германскаго генеральнаго штаба?
— Да.
— Вы присутствовали вмѣстѣ съ вашимъ императоромъ при пораженіи вашей арміи на Марнѣ?
— Пораженія не было.
— Да? Въ такомъ случаѣ скажемъ: при отступленіи.
— Отступленія не было.
— А что же произошло съ вашей арміей?
— Былъ сдѣланъ стратегическій маневръ.
Въ этотъ моментъ въ разговоръ вмѣшивается другой плѣнникъ и, обращаясь къ генералу, замѣчаетъ:
— Разрѣшите просить васъ объ одной услугѣ.
— О какой?
— Помѣстите меня куда-нибудь подальше отъ принца Кароля и отъ другихъ офицеровъ нашего генеральнаго штаба. Я не могу больше выносить ихъ лжи. Было и отступленіе, и пораженіе... было все!... И это только капля правды.
Плѣнникъ неожиданно разрыдался.
Бѣдный нѣмецъ. Заврали его соотечественники.

Манера держать нейтралитетъ.

„Петроградскій Курьеръ“ напечаталъ телеграмму:

Копенгагенъ. Изъ безусловно достовѣрныхъ источниковъ, сообщаютъ, что въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ перевозка германскихъ унтеръ-офицеровъ и инженеровъ въ Малую Азію, при чемъ всѣ они будутъ направлены черезъ Болгарію.

Получается такъ: конечно, болгары держатъ въ отношеніи Россіи строгій нейтралитетъ, но они держатъ этотъ нейтралитетъ особеннымъ образомъ — за шиворотъ.

Не потому ли они и называютъ его строгимъ?

Сандвичи.

Забавный случай рассказываетъ корреспондентъ „Daily Mail“: англійскимъ кавалеристамъ случайно удалось забрать въ плѣнъ автомобиль, въ которомъ слѣдовалъ генералъ германскаго генеральнаго штаба.

Конечно, въ этомъ еще нѣтъ ничего забавнаго и удивительнаго... Удивились же англійскіе кавалеристы по слѣдующему поводу:

Къ дверцамъ генеральскаго автомобиля былъ приклеенъ хлѣбнымъ мякишемъ листъ бумаги, на которомъ неумѣлымъ дѣтскимъ почеркомъ были выведены слова:

— Да здравствуетъ Жоффри!

Когда эту записку показали генералу, онъ пробормоталъ сердито:
— Это шалости французскихъ ребятишекъ. Недаромъ они вертѣлись все время возлѣ моего автомобиля.

Только очень веселый ребенокъ могъ додуматься до такой „шалости“: сдѣлать изъ штабныхъ генераловъ — людей-сандвичей, рекламирующихъ на своихъ спинахъ геній ихъ главнаго врага.

Халатники.

Никѣмъ не усвоена такъ прочно, какъ австрійцами, поговорка: „На войнѣ — какъ на войнѣ“.

Согласно приказа по австрійской арміи, каждая голова живого казака, доставленнаго въ плѣнъ къ австрійцамъ, хотя бы даже раненымъ, расцѣнивается на русскія деньги около 30 рублей.

Эта мѣра, какъ говорятъ, предпринята въ рядахъ австрійской арміи съ той цѣлью, чтобы хоть немного умалить тотъ страхъ, который овладѣваетъ сплошь и рядомъ громадными австрійскими отрядами при удачныхъ нападеніяхъ на нихъ небольшихъ отрядовъ казаковъ.

Такъ какъ русскіе казаки послѣ сраженій съ непріателемъ не оставляютъ на полѣ сраженія даже тѣлъ своихъ мертвыхъ товарищей, а увозятъ ихъ въ русскій лагерь для преданія тамъ землѣ, то падкимъ до наживы австрійцамъ добыть голову русскаго казака сопряжено съ крайними трудностями.

Въ виду этого, австрійцы для наживы на головѣ русскаго казака стали спекулировать такимъ образомъ: гдѣ-нибудь подбираютъ они свалившуюся съ казака фуражку или брошенную казаками поношенную одежду и привозятъ въ свой лагерь, рапортуютъ тамъ, что ими убитъ казакъ, въ доказательство чего представляется фуражка или платъе.

Вызываетъ недоумѣніе только одно обстоятельство: зачѣмъ австрійскому штабу нужны перепродавцы, когда австрійскій штабъ можетъ самъ непосредственно ходить по дворамъ и, крича звонкимъ голосомъ: „стары вещи покупа-а-а-емъ!“, пріобрѣтаетъ изношенную казацкую одежду изъ первыхъ рукъ.

Твердый характеръ.

Въ декабрьской книгѣ „Историч. Вѣстника“ помѣщены воспоминанія о дѣятельности русскаго посла въ Турціи Е. П. Новикова (1880—1882). Вотъ былъ человѣкъ, который умѣлъ поддержать достоинство великой Россіи!..

Когда однажды драгоманъ П. В. Максимовъ, нынѣшній нашъ бразильскій посланникъ, обозвалъ во всеуслышаніе турецкаго министра полиціи „осломъ и свиньей“ и просилъ адъютанта передать ему объ этомъ, взбѣшенный его отказомъ за недосугомъ бесѣдовать по дѣлу объ арестѣ двухъ русскихъ подданныхъ, Новиковъ вернулъ великому визирю Саиду-пашѣ перепечатанную присланную ему по этому поводу ноту и пригрозилъ дипломатическимъ разрывомъ.

— Я шутить не люблю! — рѣзко объявилъ посоль великому визирю, который струсиль и поспѣшилъ взять ноту обратно.

Не получивъ отъ великаго визиря обѣщаннаго отвѣта по вопросу о контрибуціи, Новиковъ заставилъ поднять полубольного старика съ постели поздней ночью.

— Разбудить этого мерзавца, взломать ворота! — приказалъ посоль драгоману. — Я имъ не позволю шутить и издѣваться надо мною. Пусть онъ передастъ вамъ отвѣтъ султана!..

Весь домъ великаго визиря былъ поднятъ на ноги. Саидъ-паша, вышедшій изъ теплой постели въ холодную пріемную, сталъ извиняться, что не могъ исполнить обѣщаніе, ибо султанъ былъ-де усталымъ, но онъ обѣщалъ раннимъ утромъ побывать у своего властелина и лично доставить отвѣтъ послу.

Оказывается, что существуютъ не только отдѣльные люди, но и цѣлые народы, съ которыми безъ зуботычины никакъ нельзя вести разговоръ.

Абдуль-Гамидъ обращался крайне свирѣпо со своими министрами. Одного изъ нихъ, Ассима-пашу, онъ угостилъ чашкой кофе съ толченымъ брилліантомъ, отъ котораго тотъ немедленно отправился въ магометовъ рай, а своего перваго секретаря Суфрама-пашу попотчевалъ чашкой кофе со смертельнымъ ядомъ за предьявленіе въ англійскомъ посольствѣ султанскаго указа объ избіеніи армянъ. Но передъ Новиковымъ султанъ пасовалъ. Лишь, когда Новиковъ уходилъ въ отставку, Абдуль-Гамидъ отомстилъ ему тѣмъ, что, пригласивъ на торжественный прощальный обѣдъ, неожиданно объявилъ, что обѣдъ не состоится, за болѣзью его. Зато въ слѣдующій разъ Новиковъ объявилъ явившимся за нимъ чинамъ двора, что онъ не можетъ принять приглашеніе султана, по случаю расстройства желудка, и отправился гулять въ общественный садъ.

Такимъ образомъ, русскій посолъ имѣлъ мужество, выражаясь фигурально, утереть султану носъ своимъ желудкомъ.

Дитя войны.

„Figaro“ утверждаетъ, что въ настоящее время выработался даже особый типъ дѣтей, „дѣтей войны“, какъ будто совершенно лишенныхъ естественнаго чувства страха.

Въ видѣ иллюстраціи разсказывается слѣдующая исторія. Деревню, осыпаемую германскими снарядами, занялъ французскій отрядъ.

Всѣ мирные жители бѣжали, улицы были пустыни, только на одномъ изъ заборовъ французскій офицеръ замѣтилъ вдругъ мальчугана лѣтъ восьми, безпечно ѣвшаго яблоко и болтавшего босыми ножками.

Офицеръ окликнулъ его:

— Ты, кажется, сошелъ съ ума! Зачѣмъ ты торчишь здѣсь? Видишь — снаряды! Вѣдь тебя убьютъ!

Въ эту минуту снарядъ разорвался шагахъ въ 50-ти отъ мальчугана, который, пережевывая яблоко, проговорилъ спокойно:

— Не волнуйтесь, капитанъ, это — маленькіе снарядики, они совсѣмъ не опасны.

Для взрослога человѣка „быть“ устанавливается десятками лѣтъ. Для малютки достаточно двухъ недѣль ружейной перестрѣлки, крови и артиллерійскаго огня, чтобы онъ не представлялъ себѣ, что можно жить иначе.

Что можетъ быть прелестнѣе малютокъ?

Научный методъ веденія войны.

„Morning Post“ отъ 12 декабря помѣстилъ слѣдующую выдержку изъ письма, найденнаго у плѣннаго германскаго резервиста: „Полученъ приказъ по бригадѣ пристрѣливать всѣхъ французовъ, раненыхъ и здоровыхъ, попавшихъ къ намъ въ руки. Въ плѣнъ не брать“

Очевидно, приказъ этотъ данъ штабомъ.

Хорошо, если бы французы поймали нѣсколькихъ штабныхъ молодцовъ и поговорили съ ними на тему: какъ нехорошо поступать подобнымъ образомъ.

Впрочемъ, несмотря на приведенный приказъ, французы не унываютъ, развлекая себя, чѣмъ Богъ послалъ. Французскія газеты разсказываютъ:

Когда пуля угодила нѣкому Ж. Шапелю въ ногу, онъ нашель въ себѣ силы презрительно выкрикнуть:

— Слишкомъ низко.

За первой пулей послѣдовала вторая, и она ударила Шапеля въ руку. Онъ отозвался на это съ еще большей презрительностью:

— Слишкомъ высоко.

Наконецъ, третья пуля черезъ какую-нибудь секунду ранила солдата въ плечо. Онъ высунулъ тогда изъ траншеи и крикнулъ по адресу нѣмецкихъ стрѣлковъ съ неподдѣльнымъ бѣшенствомъ:

— Послушайте, вы... Нельзя же, чортъ поberi, все въ одного и того же человѣка.

Такъ нѣмцы способны ни за что, ни про что обидѣть человѣка.

Похоже.

„Вретъ какъ нѣмецъ“.

Это скоро сдѣлается общимъ мѣстомъ.

Большая берлинская газета помѣстила слѣдующее заявленіе, полученное якобы ея сотрудниками отъ американскаго миллиардера Корнелиуса Вандербильда въ Генуѣ:

„Отъ всей души желаю побѣды Германіи и Австріи надъ Англійей и Франціей“.

Недавно К. Вандербильдъ помѣстилъ во вліятельной американской газетѣ „The World“ слѣдующее опроверженіе:

1-е: Въ этомъ году моей ноги не было въ Италіи.

2-е: Желанія мои — диаметрально противоположны высказаннымъ якобы мною несуществующему сотруднику какой-то нѣмецкой газеты.

Изъ всего нѣмецкаго сообщенія, такимъ образомъ, вѣрнымъ оказалось только то, что К. Вандербильдъ дѣйствительно миллиардеръ.

Да и то только потому, что еще не попалъ въ нѣмецкія лапы.

Голландія и ея быть.

Итальянскія газеты разсказываютъ о любопытномъ конфликтѣ, происшедшемъ между королевой Вильгельминой и ея мужемъ Генрихомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, чрезвычайно симпатизирующимъ нѣмцамъ (онъ самъ изъ нѣмцевъ):

Принцъ Генрихъ, узнавъ о томъ, что офицеры штаба арміи завоевателя Льежа, генерала фонъ-Эмминга, находятся въ Аахенѣ, отправился туда на автомобилѣ и передъ возвращеніемъ въ Голландію пригласилъ съ собою двухъ высшихъ германскихъ офицеровъ. Весь путь по германской и бельгійской территоріи вплоть до пограничнаго бельгійско-голландскаго пункта въ Лимбургѣ принцъ Генрихъ и его гости проѣхали благополучно.

Но на самой границѣ поручикъ, командовавшій отрядомъ пограничной голландской стражи, отказался пропустить на голландскую территорію германскихъ офицеровъ. Принцъ Генрихъ приказалъ тогда позвать къ себѣ начальника пограничной стражи Дейнота, который исполнилъ желаніе принца-супруга, а строптиваго поручика отправилъ подъ арестъ.

Просто и мило. Кажется, тѣмъ бы дѣло должно было и кончиться? Анъ, нѣтъ.

— Богъ все видитъ, — какъ говорить странникъ въ какой-то пьесѣ:

Спустя нѣсколько дней французское правительство дипломатическимъ путемъ заявило протестъ противъ этого нарушенія голландскаго нейтралитета. Совѣтъ голландскихъ министровъ, разсмотрѣвъ протестъ французскаго правительства, постановилъ обратиться къ королеву съ предложеніемъ повліять на своего супруга, такъ какъ въ противномъ случаѣ кабинетъ въ полномъ составѣ вынужденъ будетъ подать въ отставку. Королева Вильгельмина пошла навстрѣчу требованіямъ кабинета и немедленно назначила генерала Суидерса главнокомандующимъ всѣми сухопутными и морскими силами. Принцъ Генрихъ, имѣющій чинъ генераль-лейтенанта, вынужденъ былъ подчиниться вновь назначенному главнокомандующему.

Позванный къ нему, принцъ-супругъ пытался было соблюсти свое достоинство, но генералъ призвалъ его къ порядку и приговорилъ его къ 6 недѣлямъ домашняго ареста.

Оставилъ ли главнокомандующій принца безъ сладкаго — неизвѣстно, но что у принца послѣ этихъ шести недѣль значительно улучшились характеръ и чувство такта — такъ это извѣстно.

Убогая роскошь наряда.

Турецкая армія обувается очень своеобразно: на ноги надеваются кисеты.

Въ послѣднее время черезъ Сызрань часто провозятъ плѣнныхъ съ кавказскаго театра военныхъ дѣйствій. Плѣнные турки, среди которыхъ встрѣчаются и курды, производятъ жалкое впечатлѣніе: грязные, оборванные, босые, они въ виду холодовъ не выходятъ даже изъ вагоновъ, чтобы сходить на солдатскій пунктъ пообѣдать. Нѣкоторые изъ нихъ буквально не имѣютъ никакой обуви и завертываютъ ноги въ старыя тряпки.

Былъ такой случай: одинъ крестьянинъ подарилъ турку свой старый кисетъ. Турокъ съ радостью взялъ подарокъ и тутъ же, на глазахъ присутствовавшихъ, надѣлъ кисетъ на ногу, спрятавъ покраснѣвшіе отъ мороза пальцы ноги.

Нельзя сказать, чтобы армія, обмундированная подобнымъ образомъ, имѣла грозный видъ: на ногахъ кисеты, на головахъ голенище сапога, а на грудь и на руки натянутъ пустой бурдюкъ изъ-подъ вина.

ВЪСТОЧКА.

Клара дремлетъ въ мягкомъ креслѣ.

Гаснетъ день...

И въ душѣ у ней воскресли

Май, сирень...

Вспоминаетъ всплески Рейна,

Ропотъ струй,

Нѣжный, съ запахомъ портвейна

Пощѣлуй...

Распустился нѣжный локонъ

Золотой...

Гансъ ушелъ и уволокъ онъ

Весь покой...

Тамъ, за пранью перелѣсидь,

Жаркій бой...

Не писалъ къ ней цѣлый мѣсяцъ

«Дорогой»...

Но пришелъ, такъ долго жданный

Почтальонъ, —

Письмецо прислалъ желанный,

Пишетъ онъ:

— «Шлю привѣтъ тебѣ изъ Вятки.

Живь... Окрѣпъ...

Не тоскуй, сними со шляпки

Черный крепъ!..»

М. Андреевъ.

НѢМЕЦКОЕ ВОСПИТАНІЕ.

(Почему они звѣрьютъ.)

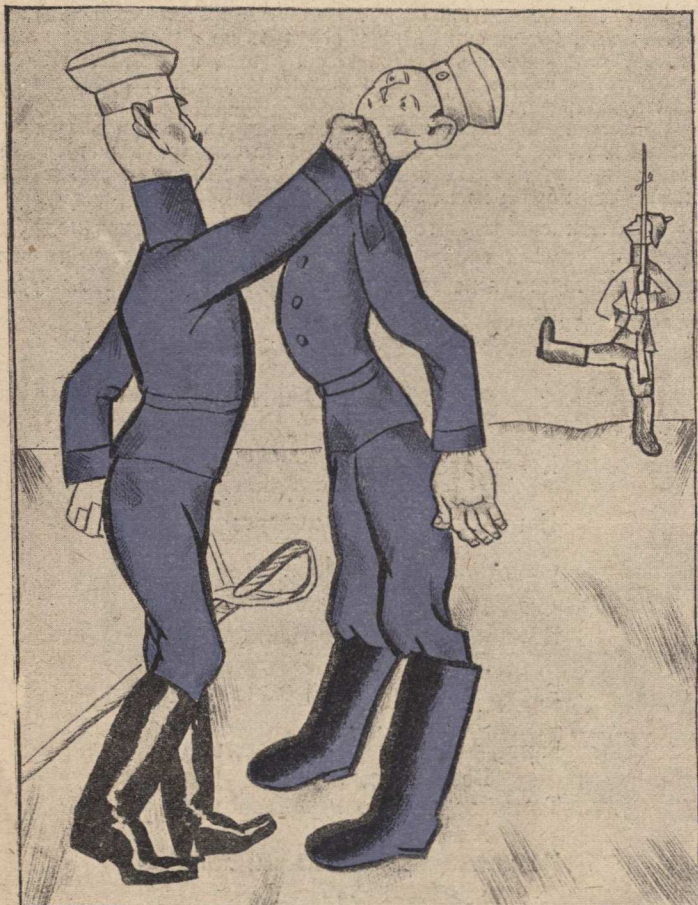
Рис. Натана Альтмана.

Въ дѣтствѣ рукоприкладствуетъ отецъ.

Въ юности — учитель.

Въ молодости — вахмистръ или лейтенантъ.

Въ зрѣлые годы — начинаетъ онъ самъ бить...

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

3-й годъ изданія.

на 1915 годъ

3-й годъ изданія.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ САТИРЫ И ЮМОРА

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

52 НОМЕРА роскошно иллюстрированного журнала.

Журналъ печатается на плотной глазированной бумагѣ.

НѢКОТОРЫЕ НОМЕРА ВЪ 8—9 КРАСОКЪ.

Въ теченіе года будетъ дано около 800 рисунковъ и карикатуръ; проза, стихи лучшихъ русскихъ литераторовъ и юмористовъ.

3 БЕЗПЛАТН.
ПРЕМИИ:

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ

БЕЗПЛАТН.
ПРЕМИИ: **3**

I томъ — „БОРДОВАЯ КНИГА“

О ВОЙНѢ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ДЕРЖАВЪ.

Причины войны.

Поведеніе Вильгельма.

Австрійцы, какъ таковыя.

Кѣмъ она вызвана.

Подвиги нѣмцевъ.

Теченіе войны — и проч.

НВ. Сатириконцы отнесутся къ „БОРДОВОЙ КНИГѢ“ съ подобающей серьезностью.

I книга-альбомъ — „ОСИНОВЫЙ КОЛЪ“

На могилу зеленого змѣя :: Роскошно иллюстрированное изданіе.

Исторія пьянства въ Россіи. Типы пьяницъ. Борьба съ пьянствомъ и проч.

I книга „ПИСЬМОВНИКЪ „НОВАГО САТИРИКОНА“

Съ приложеніемъ самоучителя танцевъ, а также танцевальныхъ разговоровъ.

Изученіе этой книги явится лучшимъ способомъ для подписчика „НОВАГО САТИРИКОНА“ приобрести въ обществѣ такой вѣсъ и значеніе, которые вызовутъ въ окружающихъ восхищеніе и изумленіе, съ примѣсью легкой тревоги.

Журналъ „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“ будетъ выходить при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ:

ХУДОЖНИКИ: Б. Анисфельдъ, Н. Альтманъ, Л. Бакстъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Н. Герардовъ, Гранди, Григорьевъ, М. Добужинскій, М. И. Ивашинцева, Б. Кустодіевъ, Кузнецовъ, В. Лебедевъ, Миссъ, Дм. Митрохинъ, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми), Н. Радловъ, А. Спасскій, Судейкинъ, С. Чеховинъ, О. Шарлеманъ, А. Юнгерь (Баянъ), А. Яковлевъ и др.

ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Аверченко (Аве), В. Азовъ, К. Антиповъ (А. Зарницынъ), Ал. Будищевъ, А. Буховъ, Л. М. Василевскій, Вл. Винкертъ, Ал. Вознесенскій, В. В. Воиновъ, Евг. Вѣнскій, Сергѣй Горный, Сергѣй Городецкій (Сатиръ), А. С. Гринъ, И. Гуревичъ, Вал. Горянский, Осипъ Дымовъ, Дальскій, А. Измайловъ, Красный, А. И. Купринъ, А. П. Каменскій, Г. Ландау, К. Милль (Полярный), Сергѣй Михѣевъ, Мандельштамъ, Моравская, О. Л. Д'Орь, Иванъ Куз. Пругковъ, П. Потемкинъ, А. Радаковъ, А. Рославлевъ, Борисъ Садовскій, гр. Алексѣй Толстой, Тэффи, Н. Топузъ, Дм. Цензоръ, Георгій Чулковъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой:

Безъ доставки 6 руб.

Въ Россіи: на годъ 6 р. 50 к., на $\frac{1}{2}$ года 3 р. 25 к., 3 мѣс. 1 р. 75 к., 1 мѣс. 60 к.

За границу: на годъ 9 р. 75 к., на $\frac{1}{2}$ года 4 р. 90 к., 3 мѣс. 2 р. 45 к., 1 мѣс. 90 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ — 3 р., къ 1-му іюня — 2 р. и къ 1 сентября — 1 р. 50 к.

ДЛЯ КОЛЛЕКТИВНЫХЪ подписокъ устанавливается особо льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ 2 руб. и ежемѣсячно каждое 1-ое число по 50 коп.

ЦѢна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ — 15 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 98. Тел. 59-07.

Редакторъ: Аркадій Аверченко.

Издатель: Т-во „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ГОРЬКІЯ ИСТИНЫ.

(Сатира.)

О, фабула!.. Вот камень преткновенья
Для множества талантов на Руси!
Въ рассказахъ нашихъ не ищи движенья
И насъ о томъ напрасно не проси:
Доступнѣй намъ святое откровенье,
Чѣмъ фабула — хоть у кого спроси.
Да вотъ примѣръ — ряды завѣтныхъ полокъ;
Что ни творецъ — пророкъ, или психологъ.

Конечно, наблюдать порывъ души,
Иль слушать Господа — святое дѣло,
Но ты... Съ огнемъ объ этомъ напиши,
Чтобъ трепетало сердце и горѣла
Душа внимающихъ тебѣ въ тиши,
А «жвачка» намъ до смерти надоѣла!
Идеи голыя всегда мертвѣй для насъ,
Чѣмъ тѣ, что вплетены въ живой рассказъ.

Вотъ почему бульварный литераторъ
Читается сильнѣе, чѣмъ иной
Талантливый художникъ-стилизаторъ;
Его рассказъ трепещуще-живой
Гремучій ключъ, а не сухой фарватеръ,
Вдвойнѣ несносный, если адскій энэй
Палитъ уста и ссохшееся горло,
И дышетъ твердь огнемъ, какъ пушекъ жерла.

Вотъ почему Вербицкія, Ельцы
И прочая, подобная имъ, братья,
16-ымъ изданьемъ — молодцы! —
Пускаетъ въ свѣтъ всѣ книги безъ изьятыя.
О, пусть они писаки, не творцы,
Ихъ всюду ждуть отверзтыя объятія
За то, что пестрыя творенья ихъ
Собранье сценъ, не мертвыхъ, а — живыхъ!

И нечего искать иной причины!
Причина та, что повѣсти Дюма,
Движеньемъ нарастающей лавины
Событій пестрыхъ, сводятъ насъ съ ума;
Причина та, что здѣсь даютъ — картины,
А тамъ, гдѣ глазъ не колетъ намъ кайма,
Едва ль пропустятъ алчущіе взоры
Ея святыню — тихіе узоры.

И нечего поэтому роптать
На вкусъ толпы и низменный и жалкій!
Ея любимцевъ удаляя рать
Не всунетъ въ вашу колесницу палки:
Орла гусынѣ грузной не догнать!
Не перепѣтъ дрозда крикливой галкѣ!
Лишь были бѣ крылья за спиной орла,
Пѣснь вольной птицы пламенной была!

Василій Князевъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятія рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные ответы на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Ю. Алову. — Присланное до сихъ поръ — не подошло.

Милліонову. — Печатаемъ цѣликомъ вашъ „рассказъ“, какъ вы его называете:

„— Вы знаете, у Крупикова появились уже въ волосахъ бѣлыя нити.

— А что онъ — посѣдѣлъ?

— Нѣтъ, у одной портнихи сталъ часто бывать.“

Редакторъ „Нов. Сатирикона“ къ портнихамъ не ходитъ, но и у него послѣ такихъ остротъ появились бѣлыя нити въ волосахъ.

Нибелунгу.

„На бѣломъ конѣ передъ фронтомъ,
Лечу я съ своимъ адъютантомъ.“

Какъ о полководцѣ, мы о васъ ничего дурного сказать не можемъ. Но поэтъ вы плохой.

В. Провинція.

Одесса. — Семимильному. — „Я сталъ разыскивать Элли. Я скакалъ за ней на лошади, на пароходѣ и т. д.“

При переѣздѣ на пароходѣ вовсе не требуется скакать на немъ. Можно вообразить удивленіе капитана и матросовъ, когда они увидѣли васъ скачущимъ по палубѣ отъ одного борта до другого. Скачите въ какой-нибудь другой журналъ. У насъ вамъ придется лежать.

Рыбинскъ. — Аэровоздушному (?)

Я люблю въ густомъ лѣсу

Подышать сосной.

И объ этомъ я сужу

По опыту, бывшему со мной.

Чудесные стихи. Въ нихъ есть что-то лѣсное, дубовое что-то.

Мозилевъ. — М. З. К. — „У меня подобныхъ стиховъ масса. Могу писать ихъ, сколько влѣзетъ“.

Куда? Въ корзину?

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконтъ“.

Издательство «НОВЫЙ САТИРИКОНЪ».

вышли въ свѣтъ повторныя изданія слѣдующихъ книгъ:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО. „О ХОРОШИХЪ, ВЪ СУЩНОСТИ, ЛЮДЯХЪ“.

ТЭФФИ. „ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ“.

ФОМА ОПИСКИНЪ. „СОРНЫЯ ТРАВЫ“.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО. „КРУГИ ПО ВОДѢ“.

ВЛАДИМИРЪ ВОИНОВЪ. „СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ“.

СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ. „ПОЧТИ БЕЗЪ УЛЫБКИ“.

ДМИТРИЙ ЦЕНЗОРЪ. „ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО. „БЕНГАЛЬСКІЕ ОГНИ“.

вышли въ свѣтъ новые выпуски „ДЕШЕВОЙ БИБЛИОТЕКИ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ:

ДВА РАЗА
ВЪ МѢСЯЦЪ

„ЗДОРОВЬЕ“

ДВА РАЗА
ВЪ МѢСЯЦЪ

Иллюстрир. журналъ гигиены, самопомощи, воспитанія дѣтей и семейной жизни
Журналъ „Здоровье“ полезенъ каждому: — кто хочетъ быть здоровымъ; — кто хочетъ предупредить болѣзни; — кто хочетъ лѣчиться безъ помощи врача; — кто хочетъ жить гигиенично; — кто хочетъ рационально воспитывать своихъ дѣтей; — кто хочетъ получить бесплатно медицинскій совѣтъ.

2 приложенія: Всѣ головные подписчики получаютъ бесплатно: 2 приложенія:

1) Домашняя гигиена. 2) Популярный лѣчебникъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 3 рубля годъ и 1 руб. 50 коп. полгода.

Пробный № за 2 десятикопечныя марки.

ПРОГРАММА БЕЗПЛАТНО.

Адресъ: Петроградъ, Редакція журнала „ЗДОРОВЬЕ“.

Открыта подписка на 1915 годъ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ, БОЛЬШУЮ, ПРОГРЕССИВНУЮ, КРАЕВУЮ ГАЗЕТУ

„СѢВЕРО-ЗАПАДНАЯ МЫСЛЬ“

Собствен. корреспон. во всѣхъ городахъ и мѣстечк. С.-З. Края.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Минскѣ: На годъ — 5 р., на 6 м. — 2 р. 50 к., на 3 м. — 1 р. 50 к., на 1 м. — 60 к.
Въ друг. гор.: На годъ — 6 р., на 6 м. — 3 р., на 3 м. — 1 р. 85 к., на 1 м. — 85 к.
Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: При подпискѣ — 2 р., къ 1 марта — 2 руб. и 1 мая для городскихъ — 1 руб., для иногороднихъ — 2 руб.

Учит., дѣлов. лицамъ, военнымъ и учащимся при годовой подпискѣ скидка — 15%, при полугодовой 10%.

Адресъ редакціи и конторы: Минскъ губ. Преображенская, 29.

Редакторъ С. Зусеръ.

Гдѣ бывають артисты и писатели ? за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ И. С. СОКОЛОВА.

Комфортабельные кабинеты.

Ул. Гоголя, 21. Тел. 477-35, 29-65, и 182-22.

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ на общественную, литературную и экономическую газету „Вѣстникъ Западной Сибири“.

Пятый годъ изданія. Газета ставитъ себѣ цѣлью широкое освѣщеніе культурно-экономической жизни Сибири, возможно полное отраженіе событий на театрѣ войны и ознакомленіе съ бытомъ, жизнью и промыслами разнообразной по природнымъ условіямъ великой Сибирской равнины путемъ помѣщенія ряда художественныхъ очерковъ и рассказовъ. г. Тюмень. Уг. Успенской и Иркутской ул.

Подписная цѣна: 1 г. — 6 р., 1/2 г. — 3 р. 50 к., 3 м. — 1 р. 80 к. Редакторъ И. А. Тиховъ. Издатель М. М. Кузнецова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ НА ВОЛЖСКІЙ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ „ВОЛЖСКІЙ ДЕНЬ“

издающуюся въ г. Самарѣ. „Волжскій День“ — безпартійный прогрессивный органъ, ставящій себѣ задачей — обслуживать Самарскую губ., а также освѣщать жизнь и интересы смежныхъ съ нею Уфимской, Пензенской, Симбирской, Оренбургской губерній, г. Сызрани и Уральской области.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на 1 г. — 7 р., на 1/2 г. — 3 р. 50 к., на 3 м. — 1 р. 80 к., на 1 м. въ г. Самарѣ 65 к. на 1 м. иногороди 70 к. Коллективная подписка служащ. въ казен. и обществен. учрежден. по 55 коп. въ мѣсяцъ. Допускается расрочка подписной платы при непосредственномъ обращеніи въ главную контору газеты.

Подписка принимается: Въ главной конторѣ: Самара, Дворянская ул., д. № 130. Телеф. 11—61. Въ отдѣленіяхъ конторы „Волжскаго Дня“: Бугурусланскомъ — Бугурусланъ, Дворянская ул., книжный магазинъ Н. В. Калачева; Бугульминскомъ — Бугульма, д. А. Ф. Елачича; Бузулукскомъ — Бузулукъ, у Ф. Ф. Дерябина; — книжный складъ Бузулукъ. Земст. Сызранскомъ — Сызрань, Симбирская, 94, у П. И. Сѣнова. Въ отд. производится пріемъ объявленій и розничн. продажа №№ газеты по 5 коп. экз. Адресъ для телеграммъ: Самара, День. Издатель С. А. ЕЛАЧИЧЪ.

60.000 читателей имѣетъ самая распространенная въ южн. пол. ежедневная общественно-политич. и литературная газета „Вѣстникъ Юга“.

(4-й годъ изданія). Публикація, помѣщаемая въ ней, имѣютъ огромный успѣхъ. Подписная цѣна: въ годъ съ доставкой и пересылкой: 4 р. 50 к. Пробные №№ за 7 коп. марку. Ялта, „Вѣстнику Юга“.

ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ „РИЖСКАЯ МЫСЛЬ“

ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ РИГѢ, въ конторѣ редакціи: Бл. Кузнечная ул., 30. Телефонъ 29-75. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА безъ доставки за годъ — 6 р., 1/2 г. — 3 р. и за 1/4 г. — 1 р. 50 к. съ пересылкой и доставкой за годъ — 8 р., 1/2 г. — 4 р., 1/4 г. — 2 р. „Рижская Мысль“ — самая распространенная русская газета въ Ригѣ, и потому помѣщеніе въ ней объявленій доставляетъ объявителямъ значительныя выгоды.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

10-й годъ изданія „СУДОХОДЕЦЪ“, 10-й годъ изданія органъ волжскихъ судоходныхъ служащихъ и рабочихъ.

Газета издается по прежней программѣ и при старомъ составѣ сотрудниковъ. ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ПЛАТА для судоходныхъ служащихъ 4 руб., полугодовая 2 руб., для остальныхъ подписчиковъ годовая плата 5 руб., полугодовая 3 руб. При газетѣ выходятъ иллюстрированныя приложенія — подписная цѣна на годъ 2 руб., на 1/2 г. 1 руб., на 1/4 г. 50 к.

Адресъ главной конторы: Н.-Новгородъ, Готмановская ул., д. № 8. Редакторъ-Издатель Ф. П. Хитровский.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНУЮ, ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ „СТЕПЬ“, Полнис. цѣна 5 руб. въ годъ. выходящую въ г. Троицкѣ, Оренб. губ., по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

Являясь крайнимъ органомъ, газета, помимо освѣщенія текущихъ вопросовъ государственно-правовой жизни страны, значительную долю вниманія удѣляетъ земской и городской жизни, а также вопросамъ: казачьему, киргизскому, переселенческому, башкирскому и кооперативному движенію. О военныхъ событіяхъ сообщенія получаются по телеграфу.

Редакторъ-Издатель Х. Сосновскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

На ежедневную газету Третій годъ изданія „РЕВЕЛЬСКІЙ ВѢСТНИКЪ“, Органъ русской печати, обслуживающій интересы мѣстнаго русскаго населенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ дост. и пересылкой: на 1 годъ 7 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 70 к. Безъ доставки: на 1 годъ 6 р., на 6 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 65 к.

Адресъ конторы газеты: Ревель, Глянцная, 16.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 Г.

НА БОЛЬШУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ „ИРКУТСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Свѣдѣнія съ войны передаются въ газету „Иркутская Жизнь“ по телеграфу собственными корреспондентами и Петроградскимъ телеграфнымъ агентствомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

На годъ — 7 р., на 1/2 года — 4 р., на 3 мѣс. — 2 р. 25 к., на 1 мѣс. — 75 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 Г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ ПРОГРЕССИВНАГО НАПРАВЛЕНІЯ „ОМСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

Адресъ конторы и редакціи: Г. Омскъ, Думская ул., д. № 17. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ — 7 р., на 1/2 года — 3 р. 75 к., на 3 мѣс. — 2 р. и на 1 мѣс. — 70 к.

Подписка принимается во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Имперіи. Редакторъ-Издатель І. М. Повергъ.

8-й годъ изданія „ПСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ“ 8-й годъ изданія УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: 12 м.—4 р., 6 м.—2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 30 к., 1 м.—45 к.

Адресъ конторы: Псковъ, Сергіевская ул., д. Тульчьева.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 Г.

на ежедневную, прогрессивную, литературно-обществен. и политико-эконом. газету

5-й годъ изданія „ПРИДНѢПРОВСКІЙ ГОЛОСЪ“ 5-й годъ изданія

Въ ГАЗЕТѢ участвуютъ литературныя силы столицы и провинціи.

ОТДѢЛЫ большихъ провинціальныхъ газетъ. ТЕЛЕГРАММЫ Петроградск. телеграф. агент. (военныя, политическ. и обществен.)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой 4р. 50 к., 1/2 г. 2 р. 25 к., 3 м. 1 р. 25 к., 1 м. 45 к. Адресъ: Кременчугъ, Контора газеты „Приднѣпровскій Голосъ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

на большую, въ форматѣ столичныхъ газетъ, политич., обществен. и литературную газету

„ЯЛТИНСКІЙ КУРЬЕРЪ“.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Газета выходитъ въ гор. Ялтѣ по понедѣльникамъ и во всѣ послѣдипраздничные дни, когда другія утреннія ялтинскія газеты не выходятъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ: на 12 мѣс.—2 р., на 6 мѣс.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—30 к. Подписка принимается въ гор. Ялтѣ, въ главной конторѣ, въ домѣ генерала Витмера, подъ гостиницей „Ореанда“.

Редакторъ-издатель С. М. Мѣхуновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

на газету

„СТАРЫЙ ВЛАДИМИРЕЦЪ“

(VII годъ изданія).

Основная задача газеты — полное, всестороннее и безпристрастное освѣщеніе жизни Владимірской губерніи.

Корреспонденты во всѣхъ городахъ и крупныхъ центрахъ Владимірской губ. Въ газетѣ будутъ помѣщаться иллюстраціи, карикатуры, портреты выдающихся дѣятелей и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ 5 РУБ.

На 1 г. — 5 р., на 11 м. — 4 р. 75 к., на 10 м. — 4 р. 50 к., на 9 м. — 4 р. 25 к., на 8 м. — 4 р., на 7 м. — 3 р. 50 к., на 6 м. — 3 р., на 5 м. — 2 р. 75 к., на 4 м. — 2 р. 30 к., на 3 м. — 1 р. 80 к., на 2 м. — 1 р. 30 к., на 1 м. — 70 к.

Годовымъ подписчикамъ допускается расрочка при условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты (губ. г. Владиміръ, Б. Нижегородская, д. Зворыкина): при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 2 р., къ 1-му мая 1 р.

Редакторъ-Издатель Пав. Ф. Леонтьевъ.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

48 ГОДЪ ИЗДАНІЯ. „ДОНЪ“ НА 1915 ГОДЪ.

Со 2-го февраля 1915 года газета „Донъ“ начнетъ 48-й годъ своего изданія. Просуществовавъ такой долгій срокъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціального района, отголоскомъ котораго она служила почти столѣтія. Поэтому, открывая подписку на 1915 годъ, редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта безъ всякихъ общіяній: что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты — то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой въ Воронежъ: на 1 г.—6 р., на 1/2 г.—3 р. 50 к., на 3 м.—2 р., на 1 м.—75 к. Съ пересылкой въ другіе города: на 1 г.—7 р., на 1/2 г.—4 р., на 3 м.—2 р. 50 к., на 1 м.—1 р. Ред.-Издатель В. Веселовскій.

5-й годъ изданія „РЫБИНСКАЯ ГАЗЕТА“ 5-й годъ изданія

Открыта подписка на 1915 годъ

на литературную, общественную и биржевую газету для Поволжскаго края. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 5 р., на 1/2 г. 2 р. 50 к., на 3 м. 1 р. 50 к. и на 1 м. 50 к. съ доставкой и пересылкой (можно марками).

Адресъ конторы и редакціи: г. Рыбинскъ, Крестовая ул., 75, телеф. 433.

Редакторъ-издатель Н. И. Любинъ.

VI-й г. изд. Открыта подписка на 1915 годъ VI-й г. изд.

на ежедневную, общественную и литературную газету „КАВКАЗСКІЙ КРАЙ“ (Издается въ Пятигорскѣ).

„Кавказскій Край“, реагируя на всѣ явленія общественно-политической жизни Россіи и Европы, посвящаетъ въ то же время много статей, замѣтокъ, аналит. и интерв. культурно-просвѣтительнымъ и общественно-экономическимъ интересамъ района Кавказскихъ Минеральныхъ водъ.

Какъ газета, выходящая въ центрѣ въ ерсской жизни, „Кавказскій Край“ удѣляетъ на своихъ страницахъ наибольшее вниманіе условіямъ курортной жизни: постановкѣ леченія на водахъ, послѣдованію источниковъ, квартирнымъ условіямъ, взаимоотношеніямъ курсовой публики и водной администраціи, благоустройству всѣхъ группъ Кавказскихъ Минеральныхъ водъ и вообще — борьбѣ за превращеніе водъ въ культурный, класный очагъ.

Составъ редакціи на время лѣтняго сезона усиливается. Въ силу украинизаціи взаимоотношеній съ прогрессивными мѣстными общественными дѣятелями, въ „Кавказскомъ Край“ периодически помѣщаются статьи специалистовъ въ области медицин. и курортныхъ вопросовъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главн. Конт.—Пятигорскъ, Царская ул., и во всѣхъ отдѣл. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Пятигорскѣ, на годъ — 6 р., на 6 мѣс. — 3 р. 50 к., на 3 мѣс. — 1 р. 90 к. на 1 мѣс. — 75 к.

На группахъ и др. мѣстахъ Россіи съ пересылкой: на годъ — 7 р., на 6 мѣс. — 4 р., на 3 мѣс. — 2 р. 40 к., на 1 мѣс. — 90 к.

Издатель: Т-во „Кавказскій Край“.

Редакторы: П. А. Петросянъ и Ф. Л. Вельжевскій.

Открыта подписка на 1915 годъ

на политическую, литературную и торгово-промышленную газету „НОВОСТИ ЖИЗНИ“, издающуюся въ г. Харьковѣ (Маньчжурія).

Газета выходитъ ежедневно, въ большомъ форматѣ, съ отдѣльными иллюстрированными приложеніями и иллюстраціями въ текствѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Для городскихъ подписчиковъ на годъ — 12 р., на полгода — 7 р., 3 мѣс. — 3 р. 70 к., 1 мѣс. — 1 р. 30 к. Для иногороднихъ: на годъ — 14 р. 40 к., на полгода — 8 р. 20 к., 3 мѣс. — 4 р. 30 к., на 1 мѣс. — 1 р. 50 к. Переѣмна адреса городского га такой же — 25 к., на иногородній — 50 к.

Редакторъ: О. А. Шейфельдъ.

Издатель: Издательское Т-во „Печать“.

— Дорогие нѣмцы! — сказалъ Михель. — Этотъ бокаль благороднаго вина я поднимаю за наши существующія колоніи и за будущія, которыя мы отнимемъ у англичанъ.

— Я долженъ вамъ сказать, дорогіе нѣмцы, что колоніи для насъ — это то же, что кровь и нервы для человѣческаго организма. Поэтому настоящій бокаль я выпью... (вмѣсто него это сдѣлалъ подошедшій англичанинъ) я выпью... за процвѣтаніе нашихъ колоній, дорогіе нѣмцы...

— Дорогие нѣмцы! Пусть же это вино будетъ той спайкой, которая должна быть между колоніями и метрополіей! Я, дорогіе нѣмцы, кричу „Ноч!“.

— Вишь ты, — сказалъ подошедшій нѣмецкій дипломатъ, — говоритъ Михель тость, а бокаль у него пустой. Надо наполнить. И налилъ дипломатъ въ бокаль дипломатическихъ чернилъ.

— Дорогие нѣмцы! Итакъ, да здравствуютъ наши колоніи!.....